

И голос так дивно звучал...

МОСК. ПРАВДА. - 2005. - 3 СЕНТЯБРЯ. - С. 4

КУМИРЫ

Ему бы жить да жить, петь да петь. Радовать людей своим чарующим голосом, очаровательной улыбкой, искренностью во всем - в жизни и творчестве. Ему было всего 56 лет, когда он навсегда ушел от нас. И только уникальный неповторимый тембр его голоса остался с нами.

Валентина ТЕРСКАЯ

Юрий Алексеевич Гуляев. В августе ему исполнилось бы 75 лет. Мне повезло, что в ту пору, в 80-е годы, звезды были талантливей, доступнее, откровеннее и охотно делились своими взглядами на искусство, творчество, при этом избегая оголать и муссировать, как это сейчас стало модно, интимные стороны своей жизни. Таков был Юрий Алексеевич Гуляев. Таким он остался в моей памяти, в записях моих блокнотов, на кассете магнитофона.

...В начале 80-х мы с мужем периодически отдыхали на дачах Большого театра в Серебряном бору. Там нередко проводили время артисты и их семьи. Общение было, как говорится, «без галстуков». Однажды на крыльцо дачи вышел мужчина в белой рубашке - ворот нараспашку. Высокий, статный, с копной выщипавшихся волос. Словом, красавец, мечта всех женщин. Поначалу и я восприняла это «видение», этот образ именно так. Только немного спустя сообразила, что это Юрий Гуляев. Только тут он был не на сцене Большого театра, а, что называется, на расстоянии вытянутой руки. Среди берез и тополей, на берегу Москвы-реки.

Я, естественно, не могла упустить такую неожиданно представившуюся возможность поговорить с ним «за жизнь» по душам. В то время я работала в Госконцерте СССР главным режиссером репертуарно-художественной коллегии, занималась отбором артистов на гастроли за рубежом. Гуляев, разумеется, знал меня, но не догадывался, что я к тому же и журналист, сотрудничаю со многими газетами. Мое предложение побеседовать он воспринял как нечто оригинальное и неординарное, но возражать не стал. В сумке у меня был только блокнот-еженедельник, в который я и постаралась уместить наше первое интервью. Оно состоялось на садовой скамейке в ясное майское утро.

- Юрий Алексеевич, расскажите немного о себе.

Не скрывая удивления, он ответил с улыбкой:

- Так вы же знакомы с моей «объективной», которую я заполняю каждый раз перед зарубежными гастрольями.

- Извините, но это формальный, сухой документ. А я хочу, чтобы вы рассказали о себе просто по-человечески.

- Все же начну с анкетных данных. Родился и вырос я в Сибири, в Тюмени. Отец - бухгалтер - любил петь, аккомпанируя себе на гармошке. Мама ему подпевала, а иногда и сама солировала. Голоса у них были красивые, звонкие. Они знали множество народных песен. Нас, детей, было четверо, и когда мы вдруг начинали шалить, то мама нас не ругала, не наказывала. Она запевала какую-нибудь красивую протяжную песню. Это действовало на нас магически. Мы затаились, собирались вокруг нее в кружок и начинали ей подтягивать.

- И все впоследствии стали певцами?

- Нет. Братья закончили Свердловский политехнический институт, а сестра - медицинский. Только я связал свою жизнь со сценой. В детстве мой дядя купил мне баян, научил мне пластинки Лемешева, Козловского. И я пел их репертуар.

- Но ведь это теноровые партии, а у вас отчетливый баритон.

- В юности у меня был тенор, даже тенор-альтино. Както на школьном вечере я спел арию Ленского, выучив ее с пластинки и аккомпанируя себе на баяне. После этого выступления на концерте художественной самодеятельности учительница по литературе подарила мне сборник романсов Рахманинова. Тогда она, наверное, даже не подозревала, что он станет для меня своего рода «путевкой в жизнь». Правда, после школы я последовал

примеру сестры и тоже пошел в мединститут.

- Не верили в свой талант.

- Нет, это было скорее неведение в свои вокальные данные и огромная требовательность к себе в этой профессии. Из-за боязни, что заветная мечта вдруг рухнет. Правда, медик из меня тоже не вышел. Узнав, что идет прием в консерваторию, решил рискнуть. Пришел на экзамен, а там все такие элегантные, в руках ноты. А я в валенках, в лыжном костюме и с баяном. Но ничего, когда дошла моя очередь, спел. И представьте - приняли. Из всех меня одного. Это было настоящее счастье.

Было мне тогда 18 лет, и голос, как это бывает в переходном возрасте, стал меняться. Петь тенором становилось все труднее, а для настоящего баритона низов не доставало... Я запаниковал и уже хотел было вообще все бросить, но потом все-таки начал пробовать строчки из Онегина, Жермона, то есть баритональные партии. И стало что-то постепенно получаться. Мне здорово помог тогда Борис Штоколов. Мы подружались и порой подрабатывали оригинальным образом. Собирали аптечные пузырьки, старательно мыли их и за гроши сдавали в аптеку. Это позволяло кое-как сводить концы с концами в студенческие годы.

После консерватории я пел в театре оперы и балета в Свердловске, потом в Донецке и Киеве. И вот теперь - в Большом.

- Вы пели Онегина в разных постановках. Что для вас вообще этот образ?

- Онегин - моя любимая, но очень трудная партия. Сначала я пел ее традиционно, но потом понял, что это современный человек, а не светский фат в белых перчатках. Умный, передовой человек - мятежный, беспокойный. Для меня в Онегине - частица самого Пушкина.

...Вспоминаю сегодня лицо Юрия Гуляева, когда он говорил о своем Онегине. Он как бы светился изнутри. И не мудрено. Помню, когда я слушала «Онегина» в Большом, то ловила себя на мысли, что Гуляев и Онегин растворялись друг в друге. Другого Онегина вообще трудно себе представить. Это была поистине его звездная роль. Блистательно

исполнял Юрий Гуляев и партии Валентина в «Фаусте», Елецкого в «Пиковой даме», графа ди Луна в «Трубадуре», Эскамильо в «Кармен», Фрола Скобеева в опере Хренникова и многие другие.

Кроме оперы, певец щедро дарил свой талант слушателям и в сольных концертах. Классические романсы, русские и украинские народные песни, современные эстрадные произведения в исполнении Юрия Алексеевича Гуляева отличались самобытностью, артистизмом, искренностью и глубоким пониманием музыкальной темы.

Не могу забыть, как удивительно, с какой светлой грустью пел Гуляев романс Чайковского «Средь шумного бала». В его интерпретации рассказ лирического героя звучал не как воспоминание о прошлом, а юношески взволнованная исповедь о том, что случилось только что, сейчас. В этой исповеди была и любовь, и тревога, и ожидание счастья.

Помню концерт в Колонном зале. Гуляев пел «Дивные очи», «Степь да степь кругом». Сердце замирало, в зале в эти минуты царил необычная аура. Кажется, что все это было совсем недавно, а ведь прошло уже более 20 лет. Очевидно, настоящий талант действует магнетически долгие годы.

Как-то я спросила у Юрия Алексеевича, как он работает над романсами.

- Не за роялем и не за столом, - ответил он. - Где бы я ни находился, что бы ни делал, голова не перестает подсознательно работать над образом героя романа. Для меня главное - не фальшивить в чувствах. Любой концерт для меня - поединок. И когда я побеждаю - это настоящее счастье.

Многие запомнили Юрия Гуляева по песням «Русское поле», «Горячий снег», «Знаете, каким он парнем был», «Бухенвальдский набат»...

- Легко ли переключаться с оперной арии на песни? - спросила я как-то.

- Песню петь трудно, к ней надо искать особый путь. Я стараюсь петь лирические песни «теплым» тембром, придавать звучанию голоса разговорные интонации. Выбираю песни, которые побуждают к размышлению, а их герои незаурядные, глубоко и сильно чувствующие люди.

Юрий Гуляев пробовал и сам сочинять песни. В армии он руководил самодеятельностью, и коллектив занял первое место на смотре именно с его песней. Сам Жуков поздравил победителей.

- Это было так давно, - вспоминал потом Юрий Алексеевич. - Кстати, мой сын Юра считает, что я могу стать настоящим композитором, если напишу такую, как «Пусть всегда будет солнце...»

Не написал, не успел.